

PRO ВЛАСТЬ

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ

УИНСТОН
ЧЕРЧИЛЬ

СИЛА. ВЛИЯНИЕ. ВОЛЯ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М42

Медведев, Д. Л.

М42 Уинстон Черчилль. Сила. Влияние. Воля / Д. Л. Медведев. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 880 с. — (PRO власть).

ISBN 978-5-519-63887-6

Управленческая карьера Уинстона Спенсера Черчилля продлилась более полувека, число возглавляемых им министерств и ведомств превысило отметку десять, а его руководство правительством Великобритании пришлось на тяжелейшие моменты истории. Став одним из самых известных руководителей эпохи, Черчилль много размышлял о природе лидерства и о тех механизмах, которые позволяют вдохновлять людей, вести их за собой. Результаты подобных размышлений нашли отражение в этой книге.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-519-63887-6

© Медведев Д. Л., 2015
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», издание,
оформление. 2016

Глава 1. Ранние годы

В мировую историю Уинстон Спенсер Черчилль вошел как видный государственный деятель, посвятивший свою долгую и насыщенную жизнь политике, взявший бразды правления в тяжелейшие годы мировой войны, возглавлявший более десяти министерств и ведомств, отвечавший за масштабные и долгосрочные преобразования в военной, социальной, финансовой и внешнеполитической сферах. В его полувековой карьере были и стремительные взлеты, и шокирующие падения; его деятельность отличали и гениальные прозрения, и банальные просчеты; его сопровождали и заслуженный успех, и унижительные поражения. От амбициозной юности и до умиротворенной старости он хотел оставить след в истории, никогда не пасуя перед неудачами, никогда не отступая перед трудностями, никогда не тушась перед препятствиями. С упорством, достойным уважения, и упрямством, подчас вызывавшим осуждение, он всегда стремился добиваться своего.

Его характер и личность, поступки и решения, оценки и мнения определялись совокупностью множества взаимозависимых и подчас трудноуловимых факторов. Но один из этих факторов выделяется больше остальных. Без его учета понимание личности Черчилля будет не только неполным, но и неправильным. Как и большинство сложных явлений, фактор этот нелегко описать и еще труднее формализовать. Но если все-таки взять на себя смелость и попытаться обрисовать его, то речь пойдет о своеобразном синтезе между любовью к слову и любовью к истории.

Рассмотрение личности Черчилля с этих позиций не ново. Еще его выдающиеся коллеги, как из мира политики, например премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945), так и из мира литературы, например Джордж Бернард Шоу (1856–1950), искренне полагали, что в историю их современник войдет не государственным деятелем, а литератором. Аналогичного мнения придерживаются и некоторые авторитетные историки, которые считают британского политика «великим писателем и оригинальным мыслителем»¹.

И тем не менее освещение жизни знаменитого британца с этих позиций остается, как правило, за рамками большинства даже самых глубоких и детальных исследований. Отчасти это и понятно. В одной только политике достижения Черчилля были настолько обширными, что одновременно охватить все нюансы его деятельности не представляется возможным. Чего уж говорить о других сферах деятельности. Настоящая книга, посвященная мировоззрению Черчилля, восполняет этот пробел. В ней подробно рассмотрена работа политика над словом, его постижение истории, а также проанализировано его творческое мышление, в том числе связанное с занятиями живописью.

Для того чтобы лучше понять описанные ниже события и круг интересов Черчилля, особенно в части идейного наполнения его литературных трудов, необходимо сказать несколько слов о том, что значила для него история. Уж точно в его понимании она не была скучной хроникой далекого прошлого, запечатленного на пожелтевших страницах забытых и пыльных манускриптов. История представлялась ему живой субстанцией, которую наблюдаешь через призму пытливого ума, изучающего сохранившиеся источники. Более того, история была для него персонифицирована и всегда связана с выдающимися личностями. Последнее особенно важно, поскольку среди этих личностей были и его предки, формировавшие настоящее и определявшие будущее.

Сам Черчилль относился к неумеренным генеалогическим изысканиям с определенной долей иронии, считая: «Если погрузиться слишком глубоко, то обнаружишь, что все друг другу родственники и всё заканчивается на Адаме»². Но в случае с нашим героем без генеалогии не обойтись. Тем более что он и сам это отлично понимал и в одном

из своих интервью вполне искренне признался, что в обществе очень важно иметь известную фамилию и он счастлив быть Черчиллем³.

Еще бы! Согласно имеющимся данным, Черчилли вели родословную от Гитто де Лиона, младший сын которого, Вандриль де Лион, лорд де Курсиль, осенью 1066 года вступил на землю Туманного Альбиона в составе войск Вильгельма, герцога Нормандского (1027/1028–1087) и принял участие в легендарном сражении при Гастингсе. Этот день — 14 октября 1066 года — стал решающим в истории Англии. Смертельное ранение короля Гарольда II Годвинсона (1022–1066), вызванное попаданием стрелы в правый глаз, не только оборвало жизнь последнего англосаксонского монарха, но и коренным образом изменило историю острова.

Пройдет больше девяти столетий, и Уинстон Черчилль, размышляя об этой «упорной битве», будет описывать, насколько драматично решалась судьба страны: «...англичане стояли так тесно, что раненых невозможно было унести, а мертвым не хватало места упасть на землю», победитель же и новый правитель Англии Вильгельм Завоеватель «сражался в первых рядах, потеряв под собой трех коней»⁴.

Бывшемуся на стороне победителя Вандрилю де Лиону удалось выйти из боя целым и невредимым. Он остался жить на острове. Впоследствии его фамилия Курсиль (*de Courcil*) была изменена сначала на Чирчилль (*de Chirchil*), а по прошествии еще некоторого времени — на Черчилль (*Churchill*)⁵. В приходских книгах Брод-Клиста середины XII века можно найти имя Джоселина Черчилля⁶. Самым же известным представителем рода станет генерал-капитан Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо (1650–1722), не проигравший в своих кампаниях на континенте ни одного сражения.

Со смертью 1-го герцога Мальборо его потомки могли перестать носить фамилию Черчилль. Похоронив при жизни двоих сыновей, великий полководец не оставил после себя прямых наследников мужского пола. Все его владения и титул перешли старшей дочери Генриетте (1681–1733), а после кончины последней — ее племяннику Чарльзу Спенсеру (1706–1758).

Первые упоминания о Спенсерах (*le Despenser*) также приходится на времена Вильгельма Завоевателя. Историк Джанет Дениелс полагает, что фамилия «Спенсер» происходит от старофранцузского *despensier* и означает «камердинер, распорядитель». Именно эту долж-

ность Роберт Деспенсер занимал при герцоге Нормандском⁷. Потомки Деспенсера осели в графстве Уорвикшир, зарабатывая разведением овец и продажей шерсти. Дела у Спенсеров шли успешно. Вначале они приобрели обширные владения в родном Уорвикшире, а затем стали владельцами поместья Элторп в соседнем графстве Нортгемптоншир. За богатством последовало и возведение в рыцарство королем Генрихом VIII Тюдором (1491–1547) в 1519 году.

На протяжении следующих пяти столетий Спенсеры неоднократно вписывали свои имена в массивный фолиант британской истории. Среди них были многочисленные главы министерств, включая 2-го графа Спенсера (1758–1834), возглавлявшего Адмиралтейство в эпоху Горацио Нельсона, а также 5-го графа Спенсера (1835–1910) — близкого друга Уильяма Юарта Гладстона (1809–1898), премьер-министра и дважды вице-короля Ирландии. Так что, приступая к написанию официальной биографии нашего героя, его сын Рандольф Черчилль не мог не воздать должное великому роду, поблагодарив своего современника и дальнего родственника Альберта Эдварда Джона, 7-го графа Спенсера (1892–1975) за «аккуратную организацию и изучение» бумаг семейного архива⁸. Эти слова благодарности прозвучат в середине 1960-х годов, когда еще ни Рандольф, ни 7-й граф Спенсер не знали, что на свет уже появилась леди, которая породнит Спенсеров с королевским домом Виндзоров, упрочив положение рода в национальной истории.

В отличие от богатых на достижения Спенсеров, Черчиллям повезло меньше. После того как Мальборо объединились с ними, эта фамилия почти исчезла из английской летописи. Правда, не навсегда. В мае 1817 года, спустя всего несколько месяцев после вступления в права наследования, 5-й герцог Мальборо (1766–1840) получил от короля Георга III (1738–1820) право «использовать фамилию Черчилль, вместе и после фамилии Спенсер». Столь широкий жест был сделан с целью «увековечить имя, которому его прославленный предок, 1-й герцог Джон Мальборо, придал непреходящий блеск длинной чередой выдающихся и героических побед»⁹.

Отныне потомки победителя битвы при Бленхейме (13 августа 1704 года) стали именовать себя Спенсер-Черчиллями, а их герб объединил геральдические символы обоих семейств: грифона (сказочный полудев-полуорел) Спенсеров и льва Черчиллей. Отец Уинстона не

любил двойные фамилии, поэтому отбросил первую часть¹⁰. Что же до его отпрыска, то он войдет в историю как Спенсер Черчилль, хотя в начале жизненного пути двойная фамилия больше доставляла неудобств, чем вселяла гордость за принадлежность к известному роду. Записанный в школе под двойной фамилией, Уинстон оказался в самом конце списка учеников, что немало уязвило его развитое не по годам самолюбие. Не стоит удивляться, что свои письма родителям он сознательно подписывал как «Уинстон С. Черчилль» и никогда — как «Спенсер Черчилль». Он даже пообещал отцу, что в следующем семестре постарается восстановить статус-кво, «взяв себе правильное имя»¹¹. Однако ни в следующем, ни в последующих семестрах избавиться от двойной фамилии ему не удастся, и в архиве школы он останется под литерой «S»¹². Со временем ситуация немного изменится, и Черчилль не только смирится с двойной фамилией, но и станет использовать ее в своих целях, особенно когда речь будет идти о сохранении статуса инкогнито¹³.

В целом, как справедливо замечает историк Уильям Манчестер (1922–2004), на протяжении более чем столетия Спенсеры «превосходили» Черчиллей в достижениях¹⁴. Так, 3-й герцог Мальборо (1706–1758), хотя и участвовал в Семилетней войне (1756–1763), больших военных успехов не добился, дослужившись до бригадира — промежуточного воинского звания между полковником и генерал-майором. Его потомок, 4-й герцог Мальборо (1739–1817), носил титул долгие пятьдесят восемь лет. Однако, несмотря на столь внушительный временной промежуток, в истории он остался только благодаря переустройству родового дворца Бленхейм, на территории которого появилось самое большое в Англии среди частных владений искусственное озеро площадью в сотни акров. Кроме того, он любил коллекционировать живопись и даже заказал портрет своего семейства у известного английского живописца Джошуа Рейнольдса (1723–1792)¹⁵.

С посещением сэром Джошуа Бленхеймского дворца связана забавная история. Во время одного из сеансов позирования художник случайно уронил нюхательный табак на ковер. Опасаясь, что табак испортит элемент интерьера, супруга герцога, леди Кэролин Рассел (1743–1811), попросила лакея подмести ковер. Не успел мужчина приступить к выполнению поручения, как тут же был одернут художником. «Остановись! — с полным осознанием собственного превосход-

ства закричал Рейнольдс. — Пыль, которую ты сейчас поднимешь, причинит моей картине больше вреда, чем табак — ковру»¹⁶.

Пятый и шестой потомки великого Джона Черчилля* запомнились чрезмерной расточительностью и распродажей бесценных предметов искусства из фамильной коллекции. Стремление жить не посредством перейдет по наследству и последующим поколениям Мальборо. При 8-м герцоге** будет распродана уникальная коллекция картин, включавшая портрет Карла I кисти Антониса ван Дейка (1599–1641), автопортрет Питера Рубенса (1577–1640) с супругой Еленой Фурман (1614–1673), а также «Мадонну Ансидеи» Рафаэля Санти (1483–1520)¹⁷, которую знаменитый искусствовед Джон Рёскин (1819–1900) назвал одной из самых великих картин в истории, а также лучшим воплощением христианских сюжетов¹⁸.

На фоне других хозяев Бленхеймского дворца в XIX столетии заметно выделяется фигура дедушки будущего премьер-министра — Джона Уинстона Спенсера Черчилля, 7-го герцога Мальборо (1822–1883). В отличие от своих мотоватых предков, он посвятил себя «службе обществу»¹⁹. Больше десяти лет он был членом палаты общин, а после наследования титула продолжил общественную и политическую деятельность в верхней палате парламента, занимая посты в правительствах лорда Дерби*** и Бенджамина Дизраэли (1804–1881), а также являясь членом Тайного совета.

Богатство 7-му герцогу это, правда, не принесло. Большая часть средств уходила на содержание недвижимости, выполнение представительских функций политического (обеспечение места в парламенте для сына), церковного (поддержка местной общины) и военного (помощь полку йоменов в проведении маневров) характера²⁰, а кроме того — на воспитание восьмерых детей. Пришлось пойти и на крайние меры, выставив на продажу часть фамильных драгоценностей, библиотеку²¹, а также продав банкиру Фердинанду де Ротшильду (1839–1898) некоторые из земельных угодий в графстве Бакингемшир²². Вердикт общества был однозначен и лучше всего выражен фразой афо-

* Джордж Спенсер-Черчилль, 5-й герцог Мальборо, и Джордж Спенсер-Черчилль, 6-й герцог Мальборо (1793–1857). — *Здесь и далее примеч. автора.*

** Джордж Чарльз Спенсер Черчилль (1844–1892).

*** Полное имя — Эдвард Джордж Джеффри Смит-Стэнли, 14-й граф Дерби (1799–1869), трижды премьер-министр, в 1852, 1858–1859 и 1866–1868 годах.

ристичного Б. Дизраэли: «Мальборо недостаточно богаты, чтобы быть герцогами»²³.

От своего старшего сына, наследовавшего впоследствии титул 8-го герцога Мальборо, Джон Уинстон Черчилль многого не ожидал, обратив все свои надежды на младшего отпрыска — лорда Рандольфа*. После окончания подготовительной школы тот поступил в элитную частную школу Итон, где получил неблагозвучное прозвище Скаг²⁵, характеризующее его как человека «своенравного, самоуверенного, ленивого, нахального и надменного». Были и те, кто относился к нему более снисходительно, считая Рандольфа «веселым и обаятельным проказником»²⁶.

За Итоном последовала учеба в Оксфорде (колледж Мертон), куда потомок Мальборо поступил со второй попытки и то после занятий с частным преподавателем. Новое учебное заведение, где из-за своего пучеглазия²⁷ лорд Рандольф получил новое прозвище — Крыжовник, находилось недалеко от родового поместья. Поэтому большую часть времени студент проводил в Бленхейме. А что до учебы, то на нее просто не хватало времени, которое уходило в основном на охоту и шумные обеды в клубе «Мирмидон», сопровождаемые различного рода проделками и выходками.

В 1874 году, за два месяца до свадьбы, двадцатипятилетний лорд Рандольф принял участие в безликой предвыборной кампании в «карманном» избирательном округе Мальборо Вудсток. Очевидцам он запомнился как «довольно нервный, неловкий молодой человек, имеющий лишь слабое представление о современной политике, плохо знающий литературу, совершенно не имеющий представления о науке и почти не разбирающийся в международных вопросах»²⁸. Несмотря на столь уничижительные отзывы, влияния и денег Мальборо окажется достаточно, чтобы склонить чашу избирательных весов в нужную сторону, обеспечив Рандольфу место в нижней палате парламента — палате общин.

Так получилось, что первое выступление новоиспеченного депутата состоялось в день рождения королевы Виктории (1819–1901)²⁹. Лорд Рандольф произвел неоднозначное впечатление своей неболь-

* Полное имя — Рандольф Генри Спенсер Черчилль (1849–1895). По мнению историков, Рандольф был назван в честь своего крестного отца, брата своей бабушки девятого графа Гелловэйя (1800–1873)²⁴.

шой речью*. Одни полагали, что «это была речь глупенького юноши, который никогда не поумнеет», другие были более доброжелательны, признавая, что, «хотя молодой член палаты очень нервничал, голос его звучал визгливо, а изложение мыслей хромало», иногда «то тут, то там вспыхивала блестящая едкая фраза, ради которой стоило вслушиваться в остальные»³⁰.

Взвешенное мнение выразил Бенджамин Дизраэли, который в своем письме королеве Виктории, упоминая о выступлении Черчилля, заметил, что «лорд Рандольф высказал много опрометчивых суждений, которые необязательны для первой речи», но в целом «палата была удивлена и покорена его энергией, стремительностью, а также выразительными манерами». В итоге, заключил премьер-министр, это было «многообещающее начало»³¹. Дизраэли также нашел время написать несколько строк матери молодого депутата, заметив, что ее сын отметился «успешным дебютом»³².

Если с британскими корнями сэра Уинстона Черчилля все более или менее определено, то американская ветвь до сих пор остается предметом споров. Одни исследователи указывают на отдаленное родство между Черчиллем и представителями американского истеблишмента — четырьмя президентами США: Франклином Делано Рузвельтом (1882–1945), Улиссом Грантом (1822–1885) и двумя Джорджами Бушами, а также Аланом Шепардом (1923–1998), первым американцем, совершившим суборбитальный космический полет³³. Другие добавляют к этому и без того солидному перечню имя Джорджа Вашингтона (1732–1799). Прапрадед нашего героя Аарон Джером (1764–1802) был женат на Элизабет Бетси Болл (1765–1826?), кузине первого президента США. Поскольку прямых наследников у генерала не было, то дед Уинстона Черчилля без малейшего бахвальства и иронии утверждал, что «мы Вашингтону ближайшие родственники»³⁴.

Однако наибольший интерес у историков вызывают не родственные связи британского премьера с хозяевами Белого дома. Куда больше их внимание привлекают спорные данные о происхождении матери Черчилля, Дженни Джером (1854–1921), от индейцев-ирокезов. При этом основным носителем индейской крови называется ее бабушка, Кларисса Вилкоккс (1796–1827), появившаяся на свет после

* Чуть меньше 700 слов. Для сравнения: мэйден-спич его сына Уинстона была в четыре с половиной раза больше — 3200 слов.